

Бумажные
рассказы
типы

Валентина
Гамоля

Деревенские
каникулы

Валентина Гамоля

Деревенские каникулы

<https://litres.ru/74435653>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Деревенские каникулы» — это каникулы, в которых было всё: и приключения, и шалости, и моменты, когда хотелось просто сидеть тихо и беречь кого-то очень маленького. Это моё детство — и я рассказываю его так, как рассказываю своим дочерям: спокойно, искренне, с улыбкой.

Я была той самой девочкой, которая вечно что-то затевала: то с ребятами котёл из бани утащит, то попробует, что там у деда в баке, то будет мыть котят от блох, будто спасает целый мир. И рядом всегда были те, кто не кричал, а просто тихо направлял: бабушка, у которой в жизни всё по делу, и Ирина, чьё «я с тобой» было надёжнее любых обещаний.

Книгу будет интересно читать и детям, и взрослым. Дети узнают себя в этой шкодливой, любопытной девчонке. Взрослые увидят в этих строчках своё детство и поймут, как важно хранить и передавать такие истории.

Содержание

Часть 2. Первое сентября	14
Часть 3. Зимние каникулы	20
Часть 4. Большой аквариум	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Валентина Гамоля

Деревенские каникулы

«Деревенские каникулы»

Валентина Гамоля

2026г. Астрахань

Часть 1. Горячий хлеб и котят

Сегодня я купила дочерям две буханки серого, горячего хлеба с Трусовского хлебозавода. Он стоит неподалёку от нашего дома, и это самый большой и популярный хлебозавод в Астрахани. Не всегда удаётся поймать тот самый момент, когда хлеб только-только из печи: нужно выбрать время, следить, когда привозят свежую партию, ловить этот запах ещё на улице. Но сегодня время сошлось.

Мы стояли у прилавка, и девочки нетерпеливо переминались с ноги на ногу. Старшая, шестнадцатилетняя, изо всех сил старалась казаться взрослой и равнодушной, но я замечала, как у неё чуть подрагивают пальцы, когда она тянулась к краю буханки. Десятилетняя и вовсе не скрывала восторга.

— Мам, ну давай скорее! Я хочу прямо тут откусить! — выпалила она, подпрыгивая на месте.

Я улыбнулась и покачала головой:

— Дома. Сначала домой.

Мы сели в мой «Солярис», и запах горячего хлеба тут же заполнил салон. Он был такой густой, тёплый, хлебный, что даже воздух будто стал плотнее. Дочери вдыхали его с удовольствием, а я ловила себя на том, что улыбаюсь просто от этого запаха. В нём было что-то из детства — не просто аромат выпечки, а ощущение, что сейчас всё будет хорошо.

Пока мы ехали, я смотрела на дорогу и думала, что они, мои девочки, не поймут одной простой вещи: в моём детстве хлеб был вкуснее. Не потому, что зерно было лучше или рецепт другой, а потому, что он был частью большого, медленного дня, где каждая мелочь имела значение. Но как объяснить это, когда им хочется просто съесть кусок и побежать дальше по своим делам?

Когда мы приехали, дочери сразу бросились на кухню.

— Можно, я сама отрежу? — спросила младшая, уже хватаясь за нож.

Я мягко остановила её:

— Сначала руки. Обязательно руки.

Они обиженно вздохнули, но пошли мыть. А я осталась на пороге кухни, чувствуя, как этот запах снова тянет меня назад — в то лето, когда мне было семь.

Я ждала их на кухне, и вдруг поняла, что хочу сделать одну вещь — ту самую, которую делала моя бабушка. Раньше я никогда не повторяла этого при детях, потому что это казалось слишком странным, слишком «деревенским». Но сего-

дня рука сама потянулась к буханке. Хлеб уже немного остыл по дороге, его можно было держать, не обжигаясь. Я взяла его и... разорвала руками. Прямо посередине. Из разрыва тут же пошёл лёгкий пар, и этот момент — когда горячий воздух вырывается из хлеба — был как маленький фокус.

Дочери замерли. Они смотрели на меня с недоумением — будто я сделала что-то запретное. Я улыбнулась и протянула каждой по куску хлеба.

— Ешьте так, как в моём детстве, — сказала я, и в собственном голосе услышала лёгкую ностальгию.

Младшая дочь откусила кусок тёплого хлеба и сказала:

— Как вкусно! И никакого масла не нужно, когда хлеб такой свежий, тёплый...

Про котят... Младшая дочь снова попросила рассказать историю из моего детства в деревне — например, про то, как я стирала котят. Хотя девочки и слышали эту историю уже не один раз, им всё равно нравилось её слушать. Им очень нравились все истории про мои деревенские каникулы — про бабушку, про самовар, про дуб и качели под ним. Каждый раз они ловили каждое слово, будто слышали всё впервые, и в их глазах загорался тот самый детский восторг, который я так хорошо помнила.

— Ты правда их на верёвке сушила? — снова спросила младшая, будто проверяя, не придумала ли я эту деталь в прошлый раз.

— Правда, — кивнула я, улыбаясь.

И вот тут я начала вспоминать всё заново, будто это было вчера.

В то утро бабушка ушла на наш участок пропалывать картошку. А мне она оставила дрожжевое тесто и домашний творог со сметаной — чтобы я испекла ватрушки. Мне было

семь, и я очень хотела всё сделать правильно. Я раскатывала тесто, лепила ватрушки, складывала их в алюминиевый таз, заливала сметаной, пока они были горячие, и накрывала сверху вафельным полотенцем, как учила бабушка. Получилось много, и когда я закончила, мне вдруг стало нечем заняться.

А у кошки Маруси было шесть слепых котят. Они ютились в деревянном ящике, который бабушка обустроила под старым, огромным дубом. Этому дубу было уже лет восемьдесят, если не больше. Под ним всегда собирались все: там стояли лежащие качели, там было прохладно даже в самый жаркий день.

Маруся не очень охотно пускала меня к котяткам, но выбора у неё не было: я всё равно подходила, гладила их, пыталась считать лапки. И в какой-то момент я заметила, что по ним ползают блохи. Это был непорядок. Совсем непорядок.

У нас в то время не было никаких специальных средств. Но дядька, который работал в пожарной части, приносил бабушке мыльное средство в пластиковых бутылках — его использовали для стирки белья. Я знала, где оно стоит. И я решила: котят нужно помыть.

Я взяла большой алюминиевый таз из бани, пошла к колонке и набрала полтаза воды. Хотя и было лето, вода из колонки была очень холодной. Я поставила таз на лавку, чтобы вода хоть немного согрелась на солнце. А сама пошла пить чай с ватрушками.

Самый вкусный чай в нашем доме всегда был из самовара. В его середину нужно было закладывать нарубленные топором пни или спиленные ветки. Особенно хорошо горели ветки вишни — они давали лёгкий сладковатый запах, который смешивался с ароматом чая. Я знала: скоро вернётся бабушка, усталая после картошки, и её нужно будет накормить и напоить.

Рядом лежали ветки, которые мы недавно пилили. Я быстро набрала их, кое-что сломала руками, чтобы влезло в топку, налила воду в самовар, закрыла крышкой. Потом подожгла щепки, засунув туда скомканный лист из бабушкиного журнала «Колхозница». Огонь разгорелся, и я подумала: «Пусть горит. Бабушка скоро придёт, а у меня ещё столько дел».

Вода в тазу на лавке уже немного согрелась. Я развела в ней мыльное средство — два колпачка от крышки бутылки, как делала бабушка. Всё тщательно перемешала рукой, и вода покрылась густой пеной. Пора было купать котят.

Одного за другим я брала слепых, ещё не открывших глазки котят и опускала в мыльный раствор. Они пищали, но я говорила себе, что делаю доброе дело. Потом, чтобы они быстрее высохли, я подвесила их за хвостики на бельевую верёвку, натянутую между деревьями, и закрепила прищепками. Маруся ходила под ними и громко мяукала.

— Марусенька, ну что ты такая беспокойная? — говорила я ей.

— Котята хоть и кричат, но ты представь: высохнут — и какие чистые станут!

Но тут я увидела, что к калитке уже подходит бабушка. В руке у неё была тляпка, лицо усталое, но спокойное. Только когда она увидела котят, висящих на верёвке, она бросила тляпку и побежала к ним.

Забор у нас был деревянный, с большими промежутками. Бабушке он был примерно до груди, а мне, семилетней, нужно было встать на носочки, чтобы выглянуть наружу. Я смотрела, как она снимает котят, укладывает их обратно в коробку под дубом, гладит Марусю, шепчет что-то успокаивающее.

А я стояла и возмущалась:

— Они ещё не высохли!

— Им ещё висеть!

— А Маруся могла бы и не мяукать, а подождать!

Бабушка долго меня ругала. Она говорила про осторожность, про то, что с животными так нельзя, что я могла им навредить. А я доказывала, что сделала доброе дело, что мыла их хорошим средством и что у них теперь красивая шёрстка. Я искренне верила в свою правоту.

Потом она посмотрела на самовар, из которого шёл уже только маленький дымок. И вдруг остановилась. Подошла ко мне, обняла крепко-крепко и прижала к себе. И эти объятия спустя почти сорок лет всё ещё со мной. Они дороже любого другого воспоминания.

После этого бабушка сполоснулась в летнем душе, а я, пока она не видит, схватила тяжёлый самовар за две ручки, расставила ноги, подогнула колени и потащила его в летнюю кухню. Я хотела сделать ей приятное. Хотела, чтобы она пришла и увидела: чай уже готов, ватрушки ждут, всё хорошо.

Я достала чашки с блюдцами, заварила свежий чай и стала ждать. Когда бабушка вошла, мы сели пить чай с моими ватрушками. Она хвалила их, говорила, что получились очень вкусные. И мы как будто забыли про стирку котят. На тот момент.

А сейчас, когда мне уже за сорок, эта история известна всем. Мои дочери при каждом удобном случае вспоминают её и смеются. А мне иногда хочется сквозь землю провалиться. Но я думаю: пусть уж эта история будет написана. Пусть узнают все. Может, тогда мне будет не так стыдно.

Не успела я закончить рассказ, как младшая дочь снова заёрзала на стуле, глаза у неё горели, будто внутри зажгли маленький фонарик.

— Мам, мам! — потянула она меня за рукав.

— А Расскажи про самый большой аквариум! Ну тот, подо льдом! И про таз икры, про арбузы, про раков... И про Ирину

с Ильёй!

Старшая закатила глаза, но я-то видела: она тоже слушает, просто старается казаться взрослой. А я улыбнулась, потому что знала это нетерпение: когда хочется сразу всё, и ни одной истории не пропустить.

Я пододвинула к себе чашку, сделала маленький глоток — чай уже остыл, но всё равно был уютным. И сказала спокойно, будто ставила невидимые камешки на дорожку, чтобы не сбиться с пути:

— Хорошо, расскажу. Только всё по порядку.

Часть 2. Первое сентября

Август подходил к концу, а значит, пора было собираться в школу — в мой первый класс.

Приезжая на лето к бабушке, я всегда приезжала худенькой, а к концу лета заметно прибавляла в весе — на домашнем твороге со сметаной и простокваше. Бабушка к концу лета либо шила мне что-то новое, либо ушивала одежду с чьего-то плеча. В этот раз кто-то передал красивую школьную форму, но она была не по размеру. Бабушка её ушила под меня, оставив небольшие запасы на вырост, навязала разных белых воротничков, накрахмалила их до хруста и научила, как их менять на школьной форме. Я была такая довольная, чувствовала, что первого сентября стану самой красивой.

Тридцатого августа мы с тётей Ириной — младшей сестрой моей мамы — поехали в город. Сумки были огромными. Ирина жила с нами в городе, пока училась в медицинском колледже. От посёлка Алла́йский до станции Дельта нужно было идти пять километров по дороге, которую будто специально снимали для старых военных фильмов: глиняная,

неровная, она вела прямо через степь. Если дорога была сухая, пройти по ней было легко. Но если накануне прольёт дождь, глину размывало, и ноги приходилось буквально вытаскивать из липкой жижи — идти становилось очень тяжело.

Сумки казались неподъёмными: в них была не только одежда для школы, но и, по ощущениям, половина бабушкиного огорода — фрукты, овощи, ягоды, а ещё сметана, молоко, творог и, конечно, рыба. Бабушка попросила соседа, чтобы тот подвёз нас до станции на тракторе. Ох, как же мне нравились такие поездки! Трактор грохотал, подпрыгивал на кочках, а я сидела на железном борту, крепко держась за край, и чувствовала себя почти героиней приключения.

Первого сентября я пошла в школу в свой первый класс — в белых гольфах, новых туфлях и в том самом красивом школьном платье. Мои светло-русые длинные волосы были разделены на две части и собраны в два хвоста; на каждом хвосте красовался большой белый бант. Я была невероятно счастлива. Мама дала мне с собой целый бумажный рубль — на сладкую вату, мороженое или что-нибудь ещё, что я захочу. Учительница с классом планировала пойти в парк, но после уроков я не пошла туда: решила сэкономить и вернуть деньги маме.

Придя домой, я аккуратно повесила красивое платье на спинку стула — ни в коем случае нельзя было испачкать или порвать его. А потом, оставшись в трусиках, белых гольфах,

новых туфлях и, конечно, с теми самыми белыми бантами, побежала гулять во двор. Там мы с ребятами веселились и бегали до самого вечера.

В какой-то момент ко мне подошёл незнакомый мужчина. Оказалось, он был фотографом из какого-то журнала. Он спросил, можно ли меня сфотографировать, и уточнил, в каком доме я живу. Я согласилась и показала пальцем на наше окно. Тогда он взял соломенную шляпу у мальчишки Димки, накинул её мне на голову так, что она прикрыла полголовы и закрыла только один бант, и начал щёлкать затвором. Потом он ушёл, и я быстро про него забыла.

Спустя несколько дней вечером в дверь позвонили. Это был тот самый фотограф. Он принёс несколько фотографий с моим изображением — в разных форматах. Поговорил с мамой, спросил разрешение напечатать снимки в журнале и ушёл. А эти фотографии у меня хранятся до сих пор.

Началась учёба, но она оказалась совсем не такой, как я

себе представляла. Нужно было сидеть за партой, слушать учителя, делать уроки... Я очень ждала каникул. В классе был один мальчик, который во время урока постоянно лазил между партами и не хотел слушать учителя. Мне так хотелось делать то же самое — бегать, прятаться, смотреть, что там под соседней партой. Но я терпела, терпела изо всех сил: очень не хотелось, чтобы на меня ругались.

Учительница, Ирина Дамировна, была очень доброй и понимающей. Она сразу придумала для нас особенный ритуал: предложила приносить фантики от заграничных жвачек, если у кого-то они есть, и складывать их в красивую коробку, которую она специально подготовила. Тот, кто лучше всех закончит четверть, сможет забрать эту коробку с фантиками к себе до конца следующей четверти — чтобы играть с ними и беречь. И мы с радостью это делали. Коробка постепенно наполнялась, и этот маленький ритуал мы повторяли до конца третьего класса.

Часть 3. Зимние каникулы

Наступили зимние каникулы, и Новый год будто уже витал в воздухе — не просто датой в календаре, а чем-то ощутимым: морозным, хрустящим, пахнущим мандаринами и хвоей. После школы я прибежала домой, задыхаясь от нетерпения, а меня уже ждала тётя Ирина — мы собирались ехать в деревню.

В углу комнаты уже стояли сумки с тем, что нужно было отвезти бабушке. В них были большие пакеты, наполненные развесным рисом, макаронами-«ракушками», докторской колбасой для оливье, банка горошка, шпроты для салата «Мимоза» и ещё столько всего, что казалось: мы везём не гостинцы, а половину городского магазина. Я смотрела на эти сумки и чувствовала, как внутри всё подпрыгивает от радости: вот-вот начнётся настоящая деревенская жизнь, где каждый день — как маленькое приключение.

Я раскрутила по комнате свой квадратный портфель непонятного бледного цвета — то ли бледно-зелёный, то ли голубой, я так и не могла понять, хотя все оттенки цветов знала хорошо. Он крутился, будто хотел вырваться из рук, и в какой-то момент взлетел и залетел на шкаф.

На секунду я сказала:

— Ой!

— а потом, будто споря с ним, ответила:

— Вот и лежи там все каникулы вместе со своими тетрадками и учебниками!

Потерла руки друг о друга, как будто сделала большое дело, и побежала собираться в деревню.

О портфеле я благополучно забыла — настолько, что, когда пришло время собираться в школу после каникул, его долго искали все, пока я не вспомнила, что он так и лежит на шкафу, тихо наблюдая за нашими хлопотами.

Приехав в деревню, мы увидели, что бабушка уже ждёт нас у калитки, укутанная в тёплый платок, а из приоткрытой двери тянулся тот самый, ни с чем не сравнимый запах — пирогов и холодца. Он будто обнимал, согревал ещё до того, как ты успеваешь войти.

В холодном коридоре перед входом в дом на всём столе стояли разные ёмкости со свежезалитым холодцом, а рядом, на полу, высился огромный девятнадцатилитровый баллон с квашеной капустой. Бабушка сразу строго сказала:

— Холодец не трогать — это на Новый год!

В доме на столе красовались свежееиспечённые пироги — целый противень с капустой и рыбой, а ещё пироги с яблочным повидлом, в которое бабушка специально добавила высушенные, а потом размоченные корки от апельсинов: они придавали начинке терпкий, пряный вкус. Уж если бабушка пекла, то делала это с размахом — так, чтобы хватило на всю

семью и ещё осталось на угощение соседям.

А на столе, в глубокой ёмкости, накрытой пакетом, бабушка для меня оставила косточки от холодца — моё любимое лакомство детства. Мы не просто обгрызали их, а потом раскладывали на газете, чтобы они подсохли. Они становились похожими на маленькие скульптуры — все разной формы, причудливо изогнутые, с крошечными выступами. Мы менялись ими с деревенскими ребятами, играли с ними, спорили, у кого самая красивая, самая редкая. В этот день у меня не было конкурентов — все косточки были только моими. Я устроилась на табуретке у печки, где было теплее всего, и принялась за своё долгое, вкусное дело, чувствуя себя самой счастливой на свете.

Бабушка заставила меня пойти помыть руки, и я послушно пошла, но по дороге всё равно успела схватить одну косточку — просто чтобы подержать её в ладони, почувствовать её шершавую поверхность.

Дед Евгений, муж моей бабушки Тамары, был моряком дальнего плавания и очень часто привозил какие-то диковинки. Зайдя в комнату, я ахнула: возле большого окна стояла большая пальма, пересаженная бабушкой в огромное ведро. Сначала я просто рассматривала её, трогала плотные, гладкие листья, будто проверяя, настоящая ли она. Пальмы я видела только в кинотеатре «Октябрь», но там они были отгорожены стеклом, их нельзя было трогать руками. Мне очень захотелось сделать и пальме, и бабушке приятное. Ба-

бабушка смочила тряпку водой, показала, как бережно протирать листья, и я принялась за дело — старательно, осторожно, будто гладила что-то очень хрупкое. Каждый лист я вытирала с двух сторон, а бабушка тихо улыбалась:

— Ну вот, помощница моя.

Вечером бабушка натопила баню на участке, расположенном неподалёку. Дом с участком и добротной, тёплой баней выходил сразу на реку. Этот дом остался от родителей бабушки и большую часть года пустовал, но зимой мы ходили мыться в бане, а летом собирали урожай с деревьев, которых там было много — они росли на пятидесяти девяти сотках, и казалось, что это целый маленький лес.

Бабушка намыла меня в бане до скрипа, вытерла пушистым полотенцем, одела в тёплую рубашку, а сверху, с головы до ног, туго укутала в одеяло — так, что вынуть руки совсем не было возможности. Потом она закинула меня себе на плечо: мои ноги болтались у неё спереди, а голова оказалась за спиной. Так мы и пошли домой.

По дороге бабушка встречала соседей, останавливалась, давала им указания насчёт бани: кому, когда приходить, сколько дров подбросить, чтобы пар был мягким, не обжигающим. В деревне, если кто-то затопил баню, собиралось полдеревни — мылись, болтали, смеялись, передавали друг другу новости.

Пока бабушка несла меня на плече, я болтала ногами и

разговаривала с нашим псом, который провожал нас до бани и обратно.

— Завтра обязательно поиграем! — обещала я ему, и он будто кивал в ответ, виляя хвостом.

И вот тут, когда мы вышли из тёплой бани на мороз, я особенно остро почувствовала этот переход: будто тысячи щекотливых иголочек разом пробежали по коже. Тело покалывало, и это было не больно, а как-то удивительно приятно — будто мороз касался меня, проверял:

— Ты тут? Ты живая?

Я даже задержала дыхание на секунду, чтобы не спугнуть это чувство, и втянула носом ледяной воздух — он колол ноздри, звенел в груди, делал всё вокруг особенно настоящим.

День был очень насыщенным, но у меня не было ни грамма усталости — ровно до того момента, пока бабушка меня не раздела, не уложила в кровать и не подоткнула одеяло так, что я оказалась в уютном коконе. И тогда усталость нахлынула разом, как тёплая волна. Я даже не помню, как провалилась в сон.

Сейчас, когда я об этом вспоминаю, мне хочется просто закрыть глаза и снова оказаться там, в том мгновении между баней и морозом, когда мир был простым, понятным и бесконечно добрым. Как бы мне сейчас хотелось вернуться в то моё детство, чтобы повторить всю эту беззаботность, все эти тихие, но такие важные дни, где счастье пряталось в самых

обычных вещах — в косточках от холодца, в пальме посреди комнаты, в запахе пирогов и в том самом покалывании тысячи морозных иголочек.

Часть 4. Большой аквариум

Утро выдалось звонким, морозным — таким, когда воздух будто звенит, если резко вдохнуть. Я проснулась бодренькой, готовой к новому дню, и сразу вскочила с кровати. Бабушки дома не оказалось, и я, тепло одевшись, побежала на задний двор её искать.

По дороге мне встретился пёс — он радостно подпрыгивал, будто хотел взлететь. Я улыбнулась и сказала:

— Помню, помню, подожди, обязательно поиграем!

И правда, как можно было забыть обещание, данное ещё вчера?

Бабушка стояла на базу, гладила свою корову, которую звала Рябая. Увидев меня, она всплеснула руками:

— Валюша, ты уже проснулась! А я вот переживаю: зима на дворе, а корова решила родить.

Я подошла поближе, осмотрела корову со всех сторон, задержала взгляд на её большом животе и подумала: «Как же хорошо! Значит, скоро будет с кем ещё поиграть».

Бабушка тем временем продолжала заниматься своими делами — а дел зимой в деревне всегда невпроворот. Нужно положить коровам сена, налить свежей воды, накормить овец, кур и всех остальных. Она протянула мне ведёрко, висевшее на заборе, и попросила сходить в курятник, собрать яички.

— Только аккуратно, не шуми там, — добавила она с улыбкой.

Я взяла ведёрко и пошла к тёплому курятнику. В дверях меня встретил недовольный петух — он что-то громко высказывал на своём петушином языке. Его, как и всех последующих бабушкиных петухов, звали Петя. Но, хоть и ворчал, он всё-таки пропустил меня внутрь.

В курятнике было тихо и уютно, пахло сеном и перьями. Курочки сидели на своих местах, поглядывали на меня и тихо квохтали — будто переговаривались между собой: «Ну вот, опять она приехала». Мне казалось, что они действительно что-то обсуждают, просто я не понимаю их языка. Каждый раз, когда я приезжала, я давала им имена: какие-то вспоминала с прошлого раза, а какие-то придумывала заново. Я тихонько разговаривала с ними, спрашивала, как у них дела, и мне искренне казалось, что они мне отвечают.

Когда бабушка потом спрашивала:

— Валюш, а как зовут эту курочку?

Я иногда не могла вспомнить: разве всех запомнишь? Тогда я называла первое имя, которое приходило в голову, а бабушка только улыбалась, понимая, что я придумываю на ходу.

Я аккуратно, стараясь не потревожить курочек, вынула яички из-под каждой и сложила их в ведёрко. По дороге домой меня снова встретил пёс. Ведёрко я поставила за дверь в дом и тут же побежала играть с ним — ведь обещала же.

Полдня пролетели как один миг. Потом я сидела у окна с чашкой тёплого чая и вдруг подумала: «Второй день уже здесь, а ещё никто за мной на прогулку не приходил». Только я успела это проговорить про себя, как вдали заметила Ольгу, Петьку и Сергея — они явно направлялись к нашему дому.

Я тут же подбежала к бабушке. Она в это время крутилась по дому, готовясь к завтрашнему Новому году так, будто это не праздник, а целая свадьба: резала, солила, раскладывала, прикидывала, чего ещё не хватает. Не успела я и слова сказать, как бабушка уже схватила мои колготки натянула на меня, натянула на них двое носков — одни обычные, а вторые шерстяные, связанные ею из шерсти наших овец. Потом на меня надели двое штанов, тёплую кофту с большим воротом, а поверх — фуфайку, рукава которой пришлось подвернуть. Чтобы не поддувало, на талию бабушка повязала резинку, а на голову — шапку, а сверху ещё и большой серый пуховый платок. Сапоги взяли побольше — но с учётом всей этой многослойности они как раз пришлись впору. Варежки, привязанные к резинке, бабушка протянула через рукава фуфайки, чтобы точно не потерялись.

Я чувствовала себя настоящей капустой — но счастливой капустой. И, не дожидаясь новых наставлений, побежала к друзьям.

Бабушка, стоя в дверях, крикнула вслед:
— Я буду выходить на вал и поглядывать за вами!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.